ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Проблемы концепта «гарант конституции»

Михаил Краснов*

В статье подвергается критическому анализу концепт «гарант конституции». Кратко описывая историю появления этого концепта, автор утверждает, что он изначально понимался слишком узко — только как функция обеспечения стабильного функционирования государственного аппарата. Так же он понимается и сейчас. Между тем, даже если формально государственный аппарат работает легально, это не всегда означает, что его работа соответствует конституционным принципам и ценностям. Конституция не просто акт высшей юридической силы. Она пронизана конституционализмом, который сводится к идее и практике ограничения власти ради обеспечения ценности человеческого достоинства. В свою очередь, конституционализм обеспечивается рядом принципов и ценностей, в том числе плюрализмом. Однако от плюрализма конституционализм может и пострадать. В статье говорится о двух угрозах с этой стороны: во-первых, масштабные межпартийные конфликты (как непосредственные, так и «замаскированные» под конфликты между государственными органами) и, во-вторых, возможность завоевания государственной власти политической силой, настроенной против конституционализма. Следовательно, гарантирование конституции состоит не только в обеспечении нормального режима функционирования институтов публичной власти, но и в неменьшей степени в охране и защите конституционных принципов и ценностей, в совокупности представляющих конституционализм. Однако практика свидетельствует, что этой «второй частью» президенты либо пренебрегают, либо используют апелляцию к конституционным ценностям в целях укрепления собственной власти. По мнению автора, это происходит благодаря обманчивости самой модели смешанной (полупрезидентской) республики, в рамках которой и появился концепт «гарант конституции». Институт президента в этой модели позиционируется доктриной как политически нейтральный и потому возвышающийся над всеми ветвями власти. Однако нейтральность президента смешанной республики иллюзорна, ибо он является в большей или меньшей степени активным политическим актором и потому оказывается не способен выполнять роль гаранта конституции. Ложная презумпция президентской нейтральности не просто делает институт гаранта неэффективным, но и содействует авторитарному тренду президента.

DOI: 10.21128/1812-7126-2021-2-1-31

Конституция; гарантирование конституции; гарант конституции; президент смешанной республики; конституционные принципы и ценности; Ганс Кельзен; Карл Шмитт

1. Проблемное поле

Конституция — вещь весьма уязвимая. Ведь в своём подлинном смысле она представляет собой институализированный конституционализм, то есть набор определённых *принципов и ценностей, направленных на обеспечение человеческого достоинства*. Поскольку «конституционализм конструирует институты с целью не допустить монополизации власти и бессрочного неограниченного правления одного лица или

* *Краснов Михаил Александрович* — доктор юридических наук, профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (e-mail: mkrasnov@hse.ru).

группы лиц (автократию)»[1], без него (вне его) теряют смысл всякие рассуждения о конституции. Даже такой классический представитель позитивизма, как Ганс Кельзен, понимал конституцию не просто как акт, имеющий высшую юридическую силу. Напротив, его высшая юридическая сила обязана среди прочего своему определённому содержанию. В частности, Кельзен писал, что люди вынуждены довольствоваться пусть и относительной, но справедливостью, «которую можно усмотреть во всяком позитивном правопорядке и состоянии мира и безопасности, которое этот правопорядок — в большей или меньшей степени — обеспечивает»[2] (кстати, это не слишком отличается от слов из Декларации независимости США в которой обеспечение «*безопасности и счастья* людям» представляется как цель публичной власти; здесь и далее в цитатах курсив мой. — *М.К.*). Конституция в таком понимании и сама является концентрированным выражением права[3] и презюмирует правовое поведение субъектов конституционно-правовых отношений. В чём же её уязвимость?

Конституционное государство — нежеланное дитя государства неконституционного. Первое рождается в борьбе со вторым. Как заметил Ф. Лассаль, сила всегда предшествует праву, но только до тех пор, «пока право с своей стороны не наберет достаточно силы, чтобы сломить силу бесправия»[4]. Поэтому неправильно думать, будто у конституционного государства слишком низкий «жизненный тонус», «вялые государственные мускулы» и потому оно не способно себя защищать. Конституционное государство обладает как раз вполне эффективными институтами защиты. Проблема в том, что эти институты нацелены на защиту государственности как таковой, а *не её конституционного характера*. На это можно возразить, указав, что в данном смысле конституцию охраняют и защищают орган конституционной юстиции и другие суды, прокуратура (например, в России среди её функций — надзор за соблюдением Конституции[5]), спецслужбы или их подразделения, специализирующиеся на охране конституционного строя (например, в ФРГ эффективно действует Федеральное ведомство по защите Конституции; нем.: *Bundesamt für Verfassungsschutz*). Всё верно (я имею в виду нормальную ситуацию, когда все эти институты работают в рамках своей компетенции, а не выполняют политические заказы). Однако эти институты защиты, во-первых, ни по своему

---

[1] *Шайо А., Уитц Р.* Конституция свободы : введение в юридический конституционализм / пер. с англ. Д. В. Сичинавы и Е. А. Захаровой. М. : Ин-т права и публич. политики, 2021. С. 19.

[2] Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сб. переводов. Вып. 2 / пер. С. В. Лёзова. М. : ИНИОН АН СССР, 1988. С. 208–209. Конспирологи могут увидеть в сочетании слов «мир и безопасность» некий тайный знак и даже попытаться обосновать антихристианскую сущность феномена конституции. Ведь в Первом послании к Фессалоникийцам апостол Павел приводит эти слова как один из признаков конца мира: «*Ибо, когда будут говорить: “мир и безопасность”, тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут*» (1 Фес. 5:3). Думаю, что переубеждать конспирологов бесполезно. Только приведу здесь и слова пророка Исайи, сказавшего о том, что будет, когда «Дух свыше» сойдёт на народ Божий: «*И делом правды будет мир, и плодом правосудия — спокойствие и безопасность вовеки. Тогда народ мой будет жить в обители мира и в селениях безопасных, и в покоищах блаженных*» (Ис. 32:17–18).

[3] Именно конституция как бы примиряет юснатурализм и позитивизм, поскольку, с одной стороны, эксплицирует естественные права, с другой — является актом высшей юридической силы. В части 1 статьи 8 польской Конституции верно провозглашается, что она «есть *верховное право* Республики Польша».

[4] *Лассаль Ф.* Сила и право (Открытое письмо редактору «Реформы») // Сочинения Фердинанда Лассаля : в 2 т. Т. 2. 2-е изд. СПб. : Изд. Н. Глаголева, 1905. С. 52–56, 54.

[5] Например, статья 1 российского Закона о прокуратуре определяет прокуратуру как систему «органов, осуществляющих от имени Российской Федерации *надзор за соблюдением Конституции* Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации». См.: Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации (*далее* — СЗ РФ). 1995. № 47. Ст. 4472.

месту в государственной системе, ни по компетенции, ни по своим ресурсам *не в состоянии стать реальной преградой* перед угрозой разрушения конституционного строя в целом, а во-вторых, *«включаются» не при всякой угрозе*. Поясню.

В основании конституционного строя лежит признание *гетерогенности* общества. *Плюрализм* буквально вшит в ткань конституционного государства и в некотором роде является синонимом конституционности. В этом — сила конституционного государства, но и его слабость! В вирусологии известно, что вирус, если «притворится своим», может «обмануть» клетки животного организма — нейтрализовать его защитную реакцию. Точно так же и конституционные защитные институты («иммунная система» конституции) не будут видеть оснований для вмешательства (сопротивления), если в конституционно-правовых отношениях участвуют *легальные* субъекты, действующие *легальными* же методами. И даже если за внешней легальностью будут скрываться процессы, разрушающие конституционный строй, система защиты сочтёт происходящее проявлением принципа плюрализма. В этом смысле можно выделить две опасности.

Первая связана с неизбывным эгоизмом политических акторов, из-за чего *конфликты между ними могут достигать масштабов и протекать в формах, угрожающих нормальному функционированию базовых государственных институтов*. Думается, не так уж неправ был Карл Шмитт, определявший критерий «политического» как «различение друга и врага», разумеется, в экзистенциальном смысле — безотносительно моральных, экономических и всяких иных оценок[6]. Шмитта упрекают за такое понимание «политического», в частности, за то, что он определяет его «не через отношение к власти, общему благу»[7], или за то, что логическим итогом такого дихотомического подхода является гражданская война[8]. Однако Шмитт вовсе не стремился обосновать фатальность вражды и войны, и сам об этом писал[9]. Он лишь *редуцировал* критерий «политического», не побоявшись поставить себя в положение «невоспитанного человека», который вслух произносит то, о чём «в приличном обществе» (особенно, в наш век тотальной терпимости) не принято говорить. И именно его редукция, к сожалению, более адекватно отражает реальность.

Маленькая иллюстрация: как пишет президент фонда Карнеги Уильям Бёрнс, «доходящая до шизофрении вражда между партиями все больше превращается в правило, а не исключение. Ратификация Сенатом международных договоров в последние десятилетия стала труднопреодолимой процедурой, а при Президенте Обаме — так и вообще почти невозможной. Даже когда в 2012 году Боб Доул, ветеран Второй мировой войны, получивший тяжелое ранение, а позднее лидер сенатского большинства и республи-

---

[6] См.: *Шмитт К.* Понятие политического // Политология : хрестоматия / сост. проф. М. А. Василик, доц. М. С. Вершинин. М. : Гардарики, 2000. С. 23–42, 25.

[7] См.: *Назмутдинов Б. В.* От «Нормы» к «Порядку»: Эволюция правопонимания Карла Шмитта // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 1. С. 150–165, 157–158.

[8] См.: *Баев В. Г.* Германский конституционализм (конец XVIII — первая треть XX вв.). Историко-правовое исследование : моногр. 2-е изд., доп. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 321. Впрочем, такой авторитетный исследователь его наследия, как А. Ф. Филиппов, считает, что шмиттовское «политическое» не относится к внутренней политике. См.: *Ахутин А. В.*, *Филиппов А. Ф.* Переписка о Шмитте и политическом // Социологическое обозрение. 2013. № 1 (12). С. 34–47, 47.

[9] Он писал: «Итак, дело отнюдь не обстоит таким образом, словно бы политическое бытие (Dasein) — это не что иное, как кровавая война, а всякое политическое действие — это действие военное и боевое, словно бы всякий народ непрерывно и постоянно был относительно всякого иного народа поставлен перед альтернативой “друг или враг”, а политически правильным не могло бы быть именно избежание войны. ...Если бы на земле оставался только нейтралитет, то тем самым конец пришел бы не только войне, но и нейтралитету как таковому, равно как и всякой политике, в том числе и политике по избежанию войны, которая кончается, как только реальная возможность борьбы отпадает» (*Шмитт К.* Указ. соч. С. 30–31).

канский кандидат в президенты, въехал в зал заседаний Сената на инвалидной коляске и попросил своих однопартийцев ратифицировать Конвенцию по правам инвалидов, составленную на основе американского права, почти все они проголосовали против — лишь бы не дать Бараку Обаме приписать себе эту победу»[10].

Можно отметить два основных проявления политических конфликтов. Первое — это столкновения *между разными политическими партиями*. Ещё Б. Н. Чичерин писал, что ничем не сдерживаемая борьба партий за власть приводит к деспотизму, «который один в состоянии сдержать общественные стихии, влекущиеся врозь»[11], и «чем глубже раздоры, чем более средние убеждения заменяются крайними, тем более политическая свобода подвергается опасностям»[12]. Этому, казалось бы, противоречит прозвучавшее сто лет спустя утверждение А. Шлезингера-мл. о том, что в XVIII веке как раз «партии являлись гарантами эффективности [американской] Конституции»[13]. На самом деле противоречия тут нет, ибо речь идёт о разных аспектах конституционной (политической) жизни. Говоря об эффективности Конституции США, Шлезингер имел в виду достижение главной конституционной цели («поиск путей к благополучию страны»[14]), которая обеспечивается, в первую очередь, конкуренцией партий, а не личностей (Шлезингер, кстати, выступил против идеи «политики без партий»; по его мнению, в подобном случае «политика наверняка стала бы более агрессивной, непредсказуемой и безответственной»[15]). Чичерин же указывал на опасность крайностей ничем не сдерживаемой межпартийной конкуренции.

Второе проявление — противостояние *между государственными органами, представляющими разные ветви власти*. Собственно, оно и породило концепцию «нейтральной ветви власти» Бенжамена Констана[16], который, в частности, писал, что каждая ветвь власти «в своей области должна содействовать общему развитию; но когда эти приведенные в беспорядок власти пересекаются, сталкиваются, мешают друг другу, нужна сила, чтобы вернуть все на свои места»[17]. Однако и в этом случае за конфликтами стоит борьба политических сил, доминирующих в том или ином органе, что позволяет им использовать конституционные полномочия этого органа и тем самым искажать подлинную картину противостояния. К таким проявлениям можно отнести попытки объявить импичмент Президенту РФ Б. Н. Ельцину в 1998—1999 годах или Президенту США Д. Трампу в 2019-м.

---

[10] *Burns W. J.* Вирус поляризации. Как США преодолеть партийный раскол во внешней политике // Московский центр Карнеги. 2020. 27 июля. URL: https://carnegie.ru/commentary/82319 (дата обращения: 25.03.2021).

[11] *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. СПб. : Наука, 2016. С. 447.

[12] Там же.

[13] *Шлезингер-мл. А. М.* Циклы американской истории / пер. с англ. В. И. Терехова. М. : Изд. группа «Прогресс»; «Прогресс-Академия», 1992. С. 394.

[14] Там же. С. 395.

[15] Там же.

[16] Ф. Ф. Кокошкин, правда, утверждал, что мысль о нейтральной власти «была высказана впервые в 1791 г. членом Национального собрания Клермон-де-Тоннерром и позднее, в 1814 г., подробно развита Бенжаменом Констаном» (*Кокошкин Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву // *Кокошкин Ф. Ф.* Избранное / сост., автор вступ. ст. и комм. А. Н. Медушевский. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 59—334, 283). Наверное, это так. Однако в научный оборот идею нейтральной власти ввёл именно Констан.

[17] См.: *Констан Б.* Принципы политики, пригодные для всякого правления // Классический французский либерализм : сб. / пер. с фр. М. М. Федоровой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 23—259, 38.

Другая опасность, ставшая очевидной в нашу эпоху[18], — это *превращение конституции в номинальный акт*. Такое происходит, когда какой-то легально приходящей к власти политической силе (партии или группе) удаётся монополизировать административные, финансовые, медийные и иные ресурсы, чтобы покончить с политической конкуренцией (каким образом — сейчас не обсуждаю). Было бы странно, если бы, уничтожив плюрализм, эта сила (партия) сохранила другие конституционные принципы и ценности[19]. И дело не в том, что ликвидации конституционализма требует сама идеология такой партии, какой была, например, идеология ленинизма (советская доктрина). Нет, сегодняшний противник конституционализма как раз «не идеологичен», то есть не опирается на теоретически обоснованную систему взглядов. Просто конституционализм ему представляется (и, действительно, является) помехой для установления властной монополии, которая, в свою очередь, позволяет через контролируемые публично-властные институты беспрепятственно проводить политику, *фактически* противоречащую конституционному духу, а затем *юридически* ревизовать конституционные принципы и ценности.

Наверное, конституционный строй подстерегают и другие опасности. Но я выделил эти, ибо именно они, будучи имманентны плюралистическому обществу, висят дамокловым мечом над конституционностью. В странах, где не укоренены правовые и демократические институты, отсутствуют традиции элитной и общественной самоорганизации и саморегулирования, «конский волос» уже оборвался. Однако и в «старых» конституционных государствах опоры конституционализма быстро подтачиваются, политические (и идеологические) крайности медленно, но неуклонно теснят центр. Это происходит под влиянием разных факторов, но я бы выделил два. Во-первых, как точно заметили А. Шайо и Р. Уитц, «чрезвычайные ситуации всё труднее отличить от нормальных состояний»[20]. Другими словами, «нормой» становится пребывание евро-атлантической цивилизации в постоянном стрессе (с риском перейти во фрустрацию) от террористической угрозы, массового инокультурного наплыва, глобальных климатических изменений, эпидемий и эпизоотий, тоталитарных соблазнов, порождаемых информационным/цифровым прогрессом, и т. п. И, во-вторых, характер цивилизации меняется, в том числе даже антропологически[21], вследствие длительного циркулирования адской смеси леволиберальных и левосоциалистических (близких к анархическим) идей и их респектабилизации.

Основная проблема состоит в том, что современное конституционное государство, а точнее, его ядро — конституционализм — не имеет институциональной защиты. Концепт «гарант конституции», который, казалось бы, предназначен для выполнения такой задачи, не помог создать институт, который играл бы роль *хранителя конституции*. Наоборот, при некоторых условиях этот концепт становится даже фактором, облегчающим разрушение конституционализма.

2. Что значит «гарантировать конституцию»?

Словари по-разному определяют термин «гарантия», но общий смысл сводится к двум основным понятиям: 1) *заверение*, *ручательство* в том, что нечто будет соблюдено

[18] Это, кстати, вообще очень интересная тема (скорее, для историков и социологов): почему только в наше время возник феномен имитации каких-то социальных (социально-политических) конструкций и явлений.

[19] Теоретически «принципы» и «ценности» можно считать синонимами. Но здесь я предпочитаю их различать.

[20] *Шайо А.*, *Уитц Р.* Указ. соч. С. 512.

[21] Подробнее см.: *Урнов М. Ю.* Кризис современной цивилизации: основные черты. М. : НИУ ВШЭ, 2021.

или выполнено, и 2) *обязательство* восстановить нарушенное, привести его в *прежнее состояние* либо компенсировать утерянное. Однако стоит соединить слова «гарант» и «конституция», возникают вопросы.

Гарантом может быть как *третье лицо*, принимающее на себя ответственность, так и сами *участники* договорённости[22]. Последние могут гарантировать только исполнение собственных обязанностей. Если же речь идёт о третьем лице, то оно не выполняет «обязательств по сделке», а наблюдает за их выполнением «сторонами» и при необходимости должно употребить все доступные ему средства для недопущения нарушения установленных правил или для восстановления *status quo*. Гарант же *конституции* не подпадает под понятия ни «участника договорённости», поскольку должен гарантировать не выполнение *своих* полномочий, а соблюдение конституции всеми субъектами соответствующих правоотношений, ни «третьего лица», ибо находится «внутри конституции», является одним из конституционных институтов.

Термин «гарант конституции» стал более-менее известным в 1920-е годы, но появился, судя по всему, в начале XX века (по крайней мере, К. Шмитт ссылается на Отто Майера, который в работе 1909 года «Саксонское государственное право» называл короля высшим гарантом Конституции[23]). Не могу сказать, почему теоретическая мысль остановилась именно на этом термине, который является не самым адекватным. На мой взгляд, более подходящий здесь термин — «*хранитель*». Но поскольку именно термин «гарант» прижился и в доктрине, и в конституционных текстах, и в политической практике, я буду применять его (к тому же «хранитель» часто употребляется как равнозначный ему[24]). Тем не менее сама неточность термина коррелирует расплывчатости, неопределённости стоящего за ним содержания.

Проблема содержательной неопределённости усугубилась с появлением деголлевского концепта «*президент-арбитр*», который вроде бы предполагает иную функциональность, но, по существу, мало отличим от концепта «гарант конституции». Так, М. А. Крутоголов в одном месте своей монографии о французском Президенте говорит: «Явно монархического происхождения, концепция арбитража сводится к передаче главе государства весьма сложной функции — он возвышается над всеми политическими силами *и гарантирует* в рамках закона нормальное функционирование публичных властей»[25]. То есть «гарантирование» здесь выступает одним из проявлений «президентского арбитража» (этот тезис повторяет и С. Г. Паречина[26]). Однако через несколько страниц оба понятия уже противопоставляются друг другу: «После референдума 1962 г. понятие “арбитраж” — ранее главная тема выступлений главы государства — почти исчезает из его (де Голля. — *М. К.*) словаря. Президент Республики *перестаёт*

---

[22] См.: *Райзберг Б. А.*, *Лозовский Л. Ш.*, *Стародубцева Е. Б.* Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2011. Цит. по: СПС «КонсультантПлюс».

[23] См.: *Шмитт К.* Гарант конституции // *Шмитт К.* Государство: право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2013. С. 27–220, 42.

[24] В. Е. Чиркин обратил внимание ещё на один синоним, напомнив, что «как одинаковый по смыслу (со словом “гарант”. — *М. К.*) используется термин “защитник” (слово “протектор” как официальное название фактического главы государства использовалось и в XVII в. в английских актах)» (*Чиркин В. Е.* Глава государства: Сравнительно-правовое исследование. М. : Норма : ИНФРА-М, 2010. С. 26).

[25] *Крутоголов М. А.* Президент Французской Республики: Правовое положение. М. : Наука, 1980. С. 137.

[26] «*Смысл доктрины арбитража* сводится к передаче главе государства очень важной функции: он должен возвышаться над всеми политическими силами и *гарантировать нормальное функционирование* органов в рамках закона» (*Паречина С. Г.* Институт президентства: история и современность / под общ. ред. Е. В. Матусевича. Минск : ИСПИ, 2003. С. 81).

быть арбитром, чтобы стать "гарантом родины и Республики" (речь 20 сентября 1962 г.), "гидом Франции" (речь 4 октября 1962 г.) и, наконец, "единственным носителем неделимой власти государства" (пресс-конференция 31 января 1964 г.)»[27]. Здесь «гарантирование» у Крутоголова представляет собой как бы следующую ступень «арбитража». Смешение двух понятий подтверждает и один из комментаторов французской Конституции С.-Л. Фермери, говоря, что функция гаранта «в тексте сформулирована достаточно расплывчато. В силу этого её *сложно отличить от другой функции — арбитража*, а следовательно, непросто выявить компетенции, которые предоставлены президенту в целях ее исполнения»[28] (в то же время в комментарии к статье 5 Конституции Франции он даёт подзаголовки «Президент — гарант Конституции» и «Президентский арбитраж», а значит, всё же различает их). А вот Б. Матьё воспринимает эти понятия как равноценные, синонимичные: «В течение первого периода "сосуществования" (1986–1988) Ф. Миттеран играл роль арбитра, гаранта высших интересов нации, список которых без всякого конституционного обоснования постоянно расширялся»[29].

Согласно К. Шмитту, сама идея специального охранительного/защитного института возникла в Англии ещё в XVII веке — «после смерти Кромвеля (1658), то есть после первых современных попыток создания писаных конституций во время внутриполитического распада республиканского правительства — ввиду неспособности парламента принимать предметные решения — и непосредственно перед реставрацией монархии. Тогда предлагалось, например, создать особую корпорацию, которая наподобие спартанского эфората должна была охранять существующий порядок Commonwealth и не допускать реставрации монархии»[30]. Прослеживая развитие этой идеи, Шмитт относит к её проявлениям в теории и практике, в частности, следующее: Сенат Франции «как хранитель (фр.: *Conservateur*) конституции» (по Конституции 1799 года), который в 1814 году «объявил Наполеона и его семью низложенными за нарушение конституции и прав народа»[31]; разделы конституций германских княжеств Баварии (1818) и Саксонии (1831) под названием «Об охране конституции», включавшие в себя присягу короля и госслужащих на верность конституции, право сословий предъявлять обвинения в случае нарушения конституции, условия изменения конституции, а в Саксонии ещё и полномочие «государственного суда толковать конституцию в спорных случаях, когда нет согласия между правительством и сословиями»[32]; идея (например, Фихте) о восстановлении древнегреческого института эфоров[33]; мнение Г. Еллинека о том, что гарантии публичного права[34] включают в себя политическую присягу, парламентскую ответственность, обвинения против министров[35]; и т. д. Конечно, Шмитт говорил только о *предтечах* концепта «гарант», но, даже с учётом этого, примеры свидетельствуют об искажённом понимании того, как следует охранять и защищать конституцию.

---

[27] *Крутоголов М. А.* Указ. соч. С. 140.

[28] *Fermery S.-L.* La Constitution commentée article par article. 15ème éd. Paris : Hachette, 2012. P. 19.

[29] *Матьё Б.* Место Президента Республики во французской институционной системе: от текста к практике // Политические институты России и Франции: Традиции и современность : сб. науч. тр. / отв. ред. Д. В. Ефременко, Н. Ю. Лапина. М. : ИНИОН РАН, 2014. С. 113–127, 123.

[30] *Шмитт К.* Гарант конституции. С. 30.

[31] Там же. С. 31.

[32] Там же.

[33] Там же. С. 37–38.

[34] У Еллинека заключительная глава его фундаментального труда называется «Гарантия публичного права». См.: *Еллинек Г.* Право современного государства. Т. 1: Общее учение о государстве. 2-е изд., испр. и доп. С. И. Гессеном. СПб. : Издание Юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, 1908. С. 583–588.

[35] См.: *Шмитт К.* Гарант конституции. С. 32.

Как теоретическое, так и практическое развитие идеи гаранта конституции с самого начала пошло по пути понимания этого института как *хранителя государственного спокойствия* — защитника государственного суверенитета, государственного единства и нормального функционирования государственного организма — деятельности публично-властных институтов в рамках своей компетенции. Между тем решения государственных органов и вообще совокупная государственная политика, соответствуя букве конституции, могут противоречить её духу. И если концепт «гарант конституции» не предполагает охрану и защиту этого духа, отражающегося в *принципах и ценностях* конституционализма, причём не обязательно закреплённых в конституционном тексте, он становится *бессмысленным*, ибо «с таким же успехом» может применяться для охраны легальности в антиконституционном государстве.

В статье об эволюции взглядов Карла Шмитта Б. В. Назмутдинов отмечает, что *первые* его научные интересы сосредоточились на *ценностных* основаниях права[36]. В таком случае можно предположить, что, начни Шмитт размышлять на тему «гаранта конституции» в начальный период своей научной деятельности, он, скорее всего, отстаивал бы идею, что гарантировать конституцию — это, прежде всего, охранять и защищать её *ценности*. Однако к концу 1910-х годов он «обратился к “решению” (Dezision), базовому концепту предложенной им концепции децизионизма»[37], смысл которой можно свести к приоритету политического над нормативным. В. Г. Баев определяет шмиттовский децизионизм как «культ решимости и действия. В конечном счёте он сводится к “великому или-или, чья суровая непреклонность скорее отдавала диктатурой, чем вечными разговорами”»[38]. Мне представляется, что такой приоритет Шмитт отстаивал не потому, что выступал адептом произвола, а потому, что ценностью считал сам *государственный порядок*, который может пасть жертвой партикуляризма. В устранении этой угрозы он и видел предназначение гаранта. Как пишет Назмутдинов, «проблема “решения” волновала К. Шмитта не только академически, но и практически: она стала крайне важной в условиях политического кризиса начала 1930-х годов. К. Шмитт попытался сформулировать доктрину, которая могла бы способствовать исключению возможности захвата государственной власти партиями, желавшими уничтожить Веймарскую республику, — нацистами и коммунистами. Для этого важно было настаивать на суверенности внепартийного президента — нейтральной власти, которая гарантировала бы действенность Конституции»[39]. Однако сама история гибели Веймарской республики опровергла такое понимание гарантирования конституции.

Германия уже в 1920-х годах, но особенно в начале 1930-х, находилась в экономическом, политическом и, главное, в духовном кризисе. Её раздирали политические крайности — коммунисты, с одной стороны, нацисты — с другой. Но всё же можно предположить, что, если бы конституционная компетенция президента *нацеливала* его на охрану веймарских ценностей, он не допустил бы нацистов к власти. Сознаю, что такое предположение попахивает конституционным кретинизмом — наивной верой во всемогущество институтов. Однако такая вероятность не чересчур фантастична: всё-таки фельдмаршал Пауль фон Гинденбург пользовался популярностью в армии и элитах, а сторонники Гитлера в то время не составляли большинства. Но в том-то и дело, что, судя по всему, Гинденбурга заботила именно государственная стабильность и к тому же

[36] См.: *Назмутдинов Б. В.* Указ. соч. С. 152.
[37] Там же.
[38] *Баев В. Г.* Указ. соч. С. 322.
[39] *Назмутдинов Б. В.* Указ. соч. С. 158.

он, по свидетельству некоторых авторов, сам не был симпатизантом Веймарской конституции[40]. Рейхспрезидент не раз вводил в действие статью 48, предоставлявшую главе государства чрезвычайные полномочия, в том числе в случаях, «если в пределах Германской империи серьёзно нарушены общественная безопасность и порядок или если грозит серьёзная опасность такого нарушения». Однако это не привело к ожидаемым результатам. Возможно, эти неудачи (хотя не только они[41]) повлияли на решение Гинденбурга 30 января 1933 года назначить рейхсканцлером Гитлера, в котором Президент видел человека, способного «навести порядок». И, действительно, порядок был наведён к лету 1934 года, хотя вести себя как диктатор фюрер начал уже в феврале 1933-го, правда, ещё не отбрасывая формальную легальность. Фигура президента стала сугубо декоративной и оставалась таковой вплоть до 1 августа 1934 года, когда (за день до смерти Гинденбурга) «правительство издало декрет “О главе Германской империи”. В первой из двух статей документа говорилось: “Должность президента империи объединяется с должностью рейхсканцлера. В силу этого установленные до сих пор полномочия президента империи переходят к вождю и рейхсканцлеру — Адольфу Гитлеру. Он назначает своего заместителя”»[42]. Символично, что Гитлер тоже объявил себя своего рода гарантом. Только не Конституции, а «нового порядка», заявив после «ночи длинных ножей»: «В этот час я несу ответственность за судьбу немецкой нации, и тем самым я в эти 24 часа был высшим судьёй немецкого народа»[43].

Надо заметить, понятие «гарант конституции» вызывает некоторую растерянность отечественных конституционалистов, что объяснимо, ведь оно совершенно новое для нас. С одной стороны, оно вроде бы понятно по смыслу, с другой — кажется очень размытым, и неясно, чем оно отличается от понятия «глава государства», которое, впрочем, тоже не несёт с собой определённости. Л. Б. Волков, бывший народным депутатом РСФСР/РФ и принимавший участие в разработке некоторых конституционных проектов, критиковал эскизность ряда проектируемых конституционных институтов и, в частности, заметил, что «такие формулы, как “Президент — гарант Конституции” или “Президент обеспечивает согласованное функционирование органов власти”, *недостаточны*»[44]. Представляется, однако, что проблема не в степени подробности конституционных норм, а в особенностях политических условий, в которых разрабатывался и дорабатывался проект Конституции РФ[45]: он насыщался теоретически непроработанными и содержательно размытыми понятиями в целях придания институту президента ореола «надмирности», что должно было служить обоснованием выведения его из системы разделения властей. Другими словами, концепт «гарант конституции» «проник» в отечественный конституционный текст не столько как инструментальное, сколько как *«статусное»* понятие. Бывший ответственный секретарь Конституционной комиссии

---

[40] См., например: *Баев В. Г.* Указ. соч. С. 301.

[41] Большую роль в принятии рокового решения сыграли и возраст, и физическое состояние Гинденбурга, и цепь предательств в его окружении, и другие факторы.

[42] *Баев В. Г.* Указ. соч. С. 331.

[43] Цит. по: Там же. С. 332.

[44] *Волков Л. Б.* Всплеск русского конституционализма. 1990–1993 годы (Вступительная статья) // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. (10 кн.). Т. 5: Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990–1993 гг.) / под общ. ред. О. Г. Румянцева. М. : Фонд конституционных реформ, 2009. С. 25–72, 71.

[45] О факторах, повлиявших на конституционную модель власти, см., например: *Краснов М. А.* Создание Конституции России как особый случай эффекта «path dependence» // Труды по россиеведению : сб. науч. тр. Вып. 6. М. : ИНИОН РАН, 2016. С. 85–128.

Съезда народных депутатов РСФСР/РФ О. Г. Румянцев пишет, что разработчики (и доработчики) конституционного текста «прямо подводили к выводу о неизбежности особенного института, “ствола власти”, который смог бы стоять на страже конституционного строя, выступая *гарантом* и посредником между ветвями власти на “переходный период”»[46].

Как раз отсутствие инструментального смысла и чувствуется в большинстве трактовок понятия «гарант конституции». Ведь его содержание наполняется теми конституционными функциями и полномочиями, которые и без того присущи президенту смешанной республики (правда, есть и чисто российские особенности), однако далеко не все из них укладываются в логику «гарантирования конституции». Так, помимо обеспечения согласованного функционирования органов государственной власти (формулировка в редакции до 2020 года), в том числе использования согласительных процедур[47], обращения в Конституционный Суд РФ с запросами о конституционности тех или иных нормативных правовых актов[48], приостановления действия актов органов исполнительной власти субъектов РФ[49] и отмены актов Правительства РФ[50], отклонения федеральных законов (права вето)[51], комментаторы указывают также на право законодательной инициативы[52], обязанность обеспечивать включение в конституционный текст поправок и изменений Конституции посредством официального опубликования актов, принятых в порядке статей 136 и 137 Конституции[53], обращение с ежегодным посланием к Федеральному Собранию[54] и даже на функции определения основных направлений внешней и внутренней политики[55], представления Российской Федерации в международных отношениях[56]. К сожалению, недалеко от такой позиции ушла и Е. А. Абаева, которая посвятила теме «гаранта» отдельную статью. Правда, она относит к гарантированию полномочия Президента, закреплённые не только в Конституции РФ, но и в федеральном

---

[46] *Румянцев О. Г.* Конституция Девяносто третьего. История явления (Документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990—1993 годов). М. : ЗАО «Библиотечка РГ», 2013. С. 189.

[47] См., например: *Окуньков Л. А.* Президент Российской Федерации. Конституция и политическая практика. М. : ИНФРА-М : Норма, 1996. С. 36; Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. М. : ЭКСМО, 2009. С. 681; *Кутафин О. Е.* Глава государства. М. : Проспект, 2012. С. 324.

[48] См., например: Комментарий к Конституции Российской Федерации / пред. редкол. Л. А. Окуньков ; подгот. Ин-том законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М. : БЕК, 1994. С. 259; Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. В. Д. Карповича. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Юрайт-М ; Новая правовая культура, 2002. С. 596; *Садовникова Г. Д.* Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И. А. Конюхова (Умнова). 7-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2012. С. 135; *Кутафин О. Е.* Указ. соч. С. 324.

[49] См., например: Комментарий... / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. С. 680, 681; Комментарий... / под общ. ред. В. Д. Карповича. С. 595; *Садовникова Г. Д.* Указ. соч. С. 135; *Кутафин О. Е.* Указ. соч. С. 324.

[50] См., например: Комментарий... / под общ. ред. В. Д. Карповича. С. 595; *Садовникова Г. Д.* Указ. соч. С. 135; *Кутафин О. Е.* Указ. соч. С. 324.

[51] Комментарий... / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. М. : ЭКСМО, 2009. С. 680; Комментарий... / под общ. ред. В. Д. Карповича. С. 595; *Кутафин О. Е.* Указ. соч. С. 324.

[52] См., например: Комментарий... / под общ. ред. В. Д. Карповича. С. 595; Комментарий... / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. С. 680; *Баглай М. В.* Президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки: Роль, порядок выборов, полномочия : моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. С. 23; *Кутафин О. Е.* Указ. соч. С. 322.

[53] См., например: Комментарий... / под общ. ред. В. Д. Карповича. С. 596.

[54] См., например: *Кутафин О. Е.* Указ. соч. С. 322.

[55] См., например: *Окуньков Л. А.* Указ. соч. С. 36—37; Комментарий... / пред. редкол. Л. А. Окуньков. С. 259.

[56] См., например: Комментарий... / пред. редкол. Л. А. Окуньков. С. 259.

законодательстве (в том числе, однако, и такие, которые сами противоречат некоторым принципам конституционного строя)[57].

Есть, впрочем, исследователи, которые представляют себе содержание гарантирования конституции в более общем виде. Например, в Комментарии к Конституции РФ под редакцией В. В. Лазарева говорится о двух основных проявлениях этого статуса. Во-первых, «Президент *цементирует* всю государственную систему и охраняет самую сердцевину того, что принято называть государством», поэтому «“расшифровкой” основной нормы о гаранте Конституции, прав человека и гражданина» является второе предложение той же части 2 статьи 80 Конституции РФ[58]. В ней, напомню, говорится, что Президент «принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти» (формулировка в редакции до 2020 года). Второе проявление статуса гаранта — в том, что «Президент *главенствует* в государственной системе» и это обязывает его обеспечивать условия, при которых все «институты власти способны выполнять свое предназначение», а также играть роль «верховного контролера, следящего, чтобы ни один институт власти не мог посягнуть на прерогативы другого, не мог узурпировать власть в стране или присвоить чьи-либо властные полномочия»[59]. Таким образом, практически *невозможно отличить роль главы государства от роли гаранта Конституции* (это, кстати, свойственно почти всем комментаторам).

Примерно в таком же ключе подходит к понятию «гарант» и Конституционный Суд РФ. Ниже представлена таблица, в которой учтены практически все решения Конституционного Суда РФ и особые мнения двух конституционных судей, где упоминается о гаранте Конституции.

Таблица 1

Употребление понятия «гарант Конституции» в решениях Конституционного Суда Российской Федерации[60] (в порядке хронологии)

№ п/п	Решение	Полномочия и/или функции Президента, связанные с ролью гаранта Конституции	Употребление понятия «гарант Конституции»
1	Постановление от 28 ноября 1995 года №15-П по делу о толковании части 2 статьи 137 Конституции Российской Федерации[61]	Обеспечивает *включение в конституционный текст поправок и изменений* посредством официального опубликования актов, принятых в порядке статей 136 и 137 Конституции Российской Федерации	Глава государства и *гарант Конституции*

[57] См.: *Абаева Е. А.* К вопросу о статусе Президента как гаранта Конституции Российской Федерации // Конституционное развитие России : межвуз. сб. науч. ст. Вып. 18 / отв. ред. В. Т. Кабышев. Саратов : Изд-во «Саратовская государственная юридическая академия», 2018. С. 25—34.

[58] Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. В. Лазарева. 4-е изд., доп. и перераб. М. : Юрайт, 2009. С. 512—513.

[59] Там же. С. 513.

[60] Нормативные правовые акты и судебные решения в настоящей статье найдены и проанализированы с помощью СПС «КонсультантПлюс».

[61] СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4868.

Таблица 1 (*продолжение*)

№ п/п	Решение	Полномочия и/или функции Президента, связанные с ролью гаранта Конституции	Употребление понятия «гарант Конституции»
2	Определение от 1 апреля 1996 года № 20-О об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Законодательного Собрания Кемеровской области о разрешении спора о компетенции как не соответствующего требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»[62]	Самостоятельно определяет *порядок исполнения* своей конституционной обязанности	*Гарант Конституции*
3	Постановление от 30 апреля 1996 года № 11-П по делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 года «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации» и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утверждённого названным Указом[63]	Издаёт *указы, восполняющие пробелы* в правовом регулировании по вопросам, требующим законодательного решения	Является *гарантом Конституции* и обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти
4	Особое мнение Э. М. Аметистова по Постановлению от 6 апреля 1998 года № 11-П по делу о разрешении спора между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации, между Государственной Думой и Президентом Российской Федерации об обязанности Президента Российской Федерации подписать принятый Федеральный закон «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации»[64]	Имеет *право вернуть [без подписания] федеральный закон* в соответствующую палату в случае нарушения установленного Конституцией порядка принятия закона, если эти нарушения ставят под сомнение результаты волеизъявления палат Федерального Собрания и само принятие закона	*Гарант Конституции,* обязанный обеспечивать все установленные ею законодательные процедуры
5	Определение от 5 ноября 1998 года № 134-О по делу о толковании статьи 81 (часть 3) и пункта 3 раздела второго «Заключительные и переходные положения» Конституции Российской Федерации[65]	Отказ нарушать Конституцию РФ или требовать её изменения ради права баллотироваться на президентский пост	*Гарант Конституции*
6	Постановление от 11 декабря 1998 года № 28-П по делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации[66]	Обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти	Глава государства и *гарант Конституции*
7	Постановление от 6 июля 1999 года № 10-П по делу о толковании положений статьи 92 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации[67]	Наделяется соответствующими полномочиями. В данном деле речь шла не о президентских полномочиях, а о толковании	Обеспечивает стабильность конституционного строя, согласованное функционирование и взаимодействие органов

[62] СПС «КонсультантПлюс».
[63] СЗ РФ. 1996. № 19. Ст. 2320.
[64] СЗ РФ. 1998. № 16. Ст. 1879.
[65] СЗ РФ. 1998. № 46. Ст. 5701.
[66] СЗ РФ. 1998. № 52. Ст. 6447.
[67] СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3773.

Таблица 1 (*продолжение*)

№ п/п	Решение	Полномочия и/или функции Президента, связанные с ролью гаранта Конституции	Употребление понятия «гарант Конституции»
		норм о досрочном прекращении полномочий Президента	государственной власти, осуществление полномочий федеральной государственной власти на всей территории Российской Федерации; Президент является *гарантом Конституции*, прав и свобод человека и гражданина, принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности
8	Определение от 6 июля 2000 года № 133-О об отказе в принятии к рассмотрению запроса Волгоградской областной Думы о проверке конституционности пункта 1 и абзаца второго пункта 3 Указа Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 года № 2287 «О приведении земельного законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации»[68]	Обеспечивает соблюдение конституционных *основ владения, пользования и распоряжения землёй* в Российской Федерации, а также *принимает нормативные решения в области земельных правоотношений* о применении либо неприменении законов, действовавших на территории Российской Федерации до вступления в силу Конституции РФ	*Гарант Конституции*
9	Особое мнение В. О. Лучина по Постановлению от 1 декабря 1999 года № 17-П по спору о компетенции между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации относительно принадлежности полномочия по изданию акта о временном отстранении Генерального прокурора Российской Федерации от должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела	Из этого статуса не вытекает право *временно отстранять от должности Генерального прокурора РФ*	Глава государства и *гарант Конституции*
10	Постановление от 11 июля 2000 года № 12-П по делу о толковании положений статей 91 и 92 (часть 2) Конституции Российской Федерации о досрочном прекращении полномочий Президента Российской Федерации в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия[69]	Наделяется соответствующими конституционными полномочиями, осуществление которых является его прерогативой (статьи 83–90; статья 104, часть 1; статья 107; статья 108, часть 2; статья 109, части 1 и 2; статья 111, части 1 и 4; статья 115, часть 3; статья 117;	Является *гарантом Конституции*, прав и свобод человека и гражданина, принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности; обеспечивает

[68] СПС «КонсультантПлюс».
[69] СЗ РФ. 2000. № 29. Ст. 3118.

Таблица 1 (*продолжение*)

№ п/п	Решение	Полномочия и/или функции Президента, связанные с ролью гаранта Конституции	Употребление понятия «гарант Конституции»
		статья 128, части 1 и 2; статья 129, часть 2; статья 134 Конституции РФ). *Суд просто перечислил все конституционные полномочия Президента, осуществляемые только им*	согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти, а также осуществление полномочий федеральной государственной власти на всей территории Российской Федерации
11	Постановление от 25 июня 2001 года № 9-П по делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 27 сентября 2000 года № 1709 «О мерах по совершенствованию управления государственным пенсионным обеспечением в Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы[70]	Обеспечивает в установленном порядке согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти	Глава государства и *гарант Конституции*, прав и свобод человека и гражданина
12	Постановление от 4 апреля 2002 года № 8-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета — Хасэ Республики Адыгея	Осуществляет полномочия по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти, в том числе в тех случаях, когда *механизм реализации этих полномочий не конкретизируется* ни в Конституции, ни в федеральных законах. Речь шла о праве Президента РФ *отрешать от должности руководителя субъекта РФ*	*Гарант Конституции*
13	Определение от 1 октября 2009 года № 1053-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байкова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьёй 395 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьёй 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», статьёй 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», статьёй 5 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и пунктом 4 статьи 3 Федерального закона Российской	Принятие мер по охране суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности; обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти; *определение основных направлений внутренней и внешней политики* государства[71]; представление Российской Федерации внутри страны и в международных отношениях	Глава государства и *гарант Конституции*, прав и свобод человека и гражданина

[70] СЗ РФ. 2001. № 27. Ст. 2804.

[71] Судебная коллегия Верховного Суда РФ также включила в проявления роли *гаранта* Конституции *определение основных направлений внутренней и внешней политики государства*.

Таблица 1 (*окончание*)

№ п/п	Решение	Полномочия и/или функции Президента, связанные с ролью гаранта Конституции	Употребление понятия «гарант Конституции»
	Федерации «О выборах Президента Российской Федерации»[72]		
14	Определение от 4 октября 2011 года №1309-О-О по жалобе гражданина Попова Сергея Михайловича на нарушение его конституционных прав положением пункта 2 Указа Президента Российской Федерации «Об обеспечении избирательных прав военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, работников органов прокуратуры Российской Федерации и сотрудников Следственного комитета Российской Федерации»[73]	Издание по вопросам, требующим законодательного решения, *указов, восполняющих пробелы правового регулирования*, при условии, что такие указы не противоречат Конституции и федеральным законам, а их действие во времени ограничивается периодом до принятия соответствующих законодательных актов	Является *гарантом Конституции* и обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти
15	Постановление от 24 декабря 2012 года №32-П по делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы[74]	Проводит консультации с политическими партиями, выдвигающими кандидатов на должность руководителя субъекта РФ, а также с кандидатами, выдвинутыми на указанную должность в порядке самовыдвижения	*Гарант Конституции*, прав и свобод человека и гражданина, призванный в установленном Конституцией порядке принимать меры по охране суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности, обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти, причём не только по факту возникновения угрозы конституционным ценностям, но и превентивно

Конституционный Суд РФ *не выявил специфических признаков* «гаранта». Он либо обращается сразу к понятиям «гарант Конституции» и «глава государства», как бы уравнивая их, либо ставит гарантирование Конституции в один ряд с задачами (функциями), которые являются проявлениями статуса главы государства. В то же время в неко-

См.: Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 23 июля 2018 года № АКПИ18-560 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим подпункта “а” пункта 12 Указа Президента РФ от 9 мая 2017 года № 202».

[72] Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2009. № 9.

[73] Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. № 2.

[74] СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 2). Ст. 8062.

торых решениях эти функции Суд выводит из роли «гаранта». В таком случае остаётся непонятным, является ли «гарант Конституции» ипостасью главы государства или лишь одной из его функций, наряду с другими. Это, кстати, замечено и некоторыми комментаторами. Так, австрийский конституционалист, занимающийся российским конституционным правом, Бернд Визер, под редакцией которого издан фундаментальный двухтомный комментарий к российской Конституции, пишет: «Рос. КС до сих пор в многочисленных реш. обращался к ч. 2 ст. 80 КРФ, но *аккуратного истолкования содержания отдельных функций и их понятного разграничения проведено не было*. Напр.[,] уже неясно, следует ли названные в предл. 2 ч. 2 ст. 80 КРФ функции понимать только как подвиды упомянутой в предл. 1 (основной) функции (основных функций) или — что более вероятно... — как самостоятельные функции»[75] (сокращения в источнике. — *М. К.*).

Не помогают понять смысл гарантирования и те *полномочия*, для обоснования которых Конституционный Суд обращается к статусу «гаранта». Например, весьма странно выглядит тезис о том, что именно *как гарант* Конституции Президент (речь шла о Б. Н. Ельцине) отказался её нарушать или требовать её изменения ради права баллотироваться на президентский пост (Определение от 5 ноября 1998 года). Оставлю при себе саркастические комментарии по поводу изменения Судом этой позиции в 2020 году и обращу внимание на другое: отказ от совершения правонарушения или от использования своего статуса в личных целях даже логически не может быть проявлением гарантирования. Вряд ли можно счесть проявлением гарантирования и такое «техническое» полномочие, как включение Президентом РФ в конституционный текст поправок и изменений (Постановление от 28 ноября 1995 года). А проведение Президентом консультаций с политическими партиями, выдвигающими кандидатов на должность руководителя субъекта РФ, а также с кандидатами, выдвинутыми на указанную должность в порядке самовыдвижения (Постановление от 24 декабря 2012 года), не просто далеко отстоит от идеи гарантирования Конституции, но прямо противоречит принципам федерализма и политического многообразия.

3. Хотеть и мочь

Расплывчатость понятия «гарантирование конституции» обусловливает и разнообразие мнений о том, кто может (должен) быть её гарантом. Не буду здесь пересказывать аргументы Ганса Кельзена и Карла Шмитта в их известном споре о том, кто должен быть гарантом конституции — конституционный суд или президент. Хочу только обратить внимание на один момент.

Г. Кельзен и К. Шмитт *допускали существование «главного» гаранта и гарантов «второстепенных/вспомогательных»*. Так, Кельзен, цитируя утверждение Шмитта, что «рейхспрезидент — и *только он* — является гарантом конституции согласно действующей конституции», отвечал: «Никто не станет отрицать, что он *также* действует в качестве гаранта конституции, — наряду с предполагаемым в ст. 19 Государственным судом или иным упомянутым здесь судом, наряду с осуществляющими материальное право проверки законов гражданскими, уголовными и административными судами, — в той мере, в какой он наряду с этими органами имеет задачу следить за

[75] Комментарий к Конституции Российской Федерации : в 2 т. Т. 2 / под ред. д.ю.н., проф. Б. Визера. М. : Инфотропик Медиа, 2018. С. 1148–1149.

конституционностью законов и иных актов»[76]. Но, заключал Кельзен, президентские гарантии имеют очень узкие границы[77], а собственно гарантом является орган конституционной юстиции, ибо «гарантия существует, только если отмена неправомерного акта решается непосредственно органом отдельным и независимым от органа, издавшего неправомерный акт»[78]. Эту мысль разделяют и некоторые современные исследователи. Например, профессор Саарбрюкенского университета Торстен Штейн утверждает, говоря о ФРГ, что, «поскольку Федеральный конституционный суд уже является хранителем конституции, президент в лучшем случае мог бы быть *"со-хранителем"*»[79]. Правда, важно отметить, что Штейн говорит об институционально слабом главе *парламентской* республики, в частности, лишённом возможности прибегать к методам, предполагающим применение чрезвычайных мер[80].

В свою очередь, и К. Шмитт писал: «Если конституция, — согласно распространённым в XIX веке представлениям, — основана *на договоре* между государем и народом, правительством и народным представительством, то *любой партнер* по договору может выступать в качестве гаранта той *части* конституции, что затрагивает его собственные права и полномочия, и склонен рассматривать выгодные для его политических притязаний конституционные определения *в качестве "собственно" конституции*»[81]. Это, на мой взгляд, весьма спорная теоретическая конструкция, поскольку конституция как предмет гарантирования нерасчленяема (неверна поэтому, кстати, и российская конституционная формула части 2 статьи 80, согласно которой Президент является гарантом не только самой Конституции, *но и* «прав и свобод человека и гражданина»). Однако тут важно отметить, что Шмитт косвенно признаёт отсутствие «монополии на гарантийную деятельность» у главы государства.

О возможности нескольких гарантов говорят и некоторые современные авторы. Например, один из первых исследователей правового статуса российского Президента Л. А. Окуньков пишет: «Конечно, Президент *не единственный* страж и хранитель Конституции, но его *роль более весома*. В случае выявления нарушений, а также *при недостаточности принимаемых мер* по реализации конституционных положений он обязан *обратить на них внимание* государственного органа, независимо от его места в системе власти, и *потребовать* безотлагательного устранения отмеченных нарушений»[82]. Тут возникает несколько недоумений. Прежде всего, что значит «более весомая роль»? Как этот «вес» вообще можно измерить? И неужели «весомость» проявляется в том, что Президент «обязан обратить внимание» нарушителя и «потребовать устранения нарушений»[83]? Спорно и то, что нарушением Окуньков считает «недостаточность принимаемых мер по реализации конституционных положений». Ведь тем самым

---

[76] *Кельзен Г.* Кто должен быть гарантом конституции? // *Шмитт К.* Государство: право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2013. С. 359–410, 401.

[77] См.: Там же. С. 402.

[78] *Кельзен Г.* Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция). Часть 1 // Право и политика. 2006. № 8. С. 5–14, 13.

[79] *Stein T.* Der Bundespräsident als "*pouvoir neutre*"? // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. Vol. 69. 2009. No. 2. P. 249–256, 253.

[80] Ibid. P. 251.

[81] *Шмитт К.* Гарант конституции. С. 41–42.

[82] *Окуньков Л. А.* Указ. соч. С. 8.

[83] В последующем многие российские исследователи также стали полагать, что обращение (требование) к нарушителю составляет одно из главных проявлений гарантирования. См., например: *Баглай М. В.* Указ. соч. С. 21; Научно-практический комментарий... С. 513; Комментарий... / пред. редкол. Л. А. Окуньков . С. 259; Комментарий... / под общ. ред. В. Д. Карповича. С. 595.

оправдывается вторжение главы государства в компетенцию иных государственных органов.

На мой взгляд, позиция «нескольких гарантов конституции» неверна. Аналогия с международным правом, допускающим несколько гарантов какого-то договора, здесь неуместна. Во-первых, они являются «внешними агентами», а во-вторых, такая конструкция предполагает постоянное согласие между гарантами, что бывает далеко не всегда. Но главное возражение состоит в другом. Разумеется, деятельность по гарантированию конституции предполагает реагирование на нарушение отдельных её норм, в том числе и норм-принципов, норм-ценностей. И такую деятельность осуществляет не только глава государства, но и другие государственные органы: суды (в первую очередь, конституционный), органы исполнительной и даже законодательной власти. Однако один только текущий контроль за конституционной законностью не может составлять понятие «гарантирование конституции».

Дело в том, что, как говорил К. Шмитт, само «требование [учреждения] гаранта и хранителя конституции чаще всего есть признак *критического конституционного состояния*»[84]. Правда, слова «чаще всего» здесь лишние. Только в *момент наивысшей угрозы* конституционному строю становится ясно, существует ли подлинный гарант конституции — тот, кто не только «хочет», но и *«может»* вывести государственный организм из кризисного состояния, в том числе прибегнув к экстраординарным методам. Именно поэтому нельзя принять позицию Г. Кельзена о конституционном суде как гаранте конституции[85].

Ни у какого суда нет *самостоятельной* силы для того, чтобы заставить исполнять свои решения, тем более что у суда, как правило, отсутствует право по собственной инициативе рассматривать конкретные дела. Ведь возможны ситуации, когда какой-то публично-властный институт отказывается исполнять судебное решение, восстанавливающее конституционную законность (например, Р. Познер напоминает о том, что Авраам Линкольн, приостановивший действие Билля о правах, «отказался исполнять распоряжение Верховного судьи Тейна о habeas corpus»[86]). Сила судебной власти всегда и везде опирается на совокупную силу государственных институтов (обязательность исполнения судебных решений есть лишь *иллюзия собственной силы суда*). Это, кстати, относится и к наднациональным судам. Их решения реалистичны только при условии согласия самого государства, к которому они обращены (я уж не говорю о том, что решения таких судов ничем не могут помочь при угрозах конституционному строю в целом). Пример: А. Нуссбергер констатирует, что денежные компенсации по решениям Европейского Суда по правам человека даже авторитарными режимами, как правило, выплачиваются, но при этом такие страны не выполняют другое требование Суда — о проведении внутренних (национальных) расследований[87].

---

[84] *Шмитт К.* Гарант конституции. С. 30.

[85] В этой связи хочу признать свою ошибку, поскольку раньше полагал, будто можно примирить позиции Кельзена и Шмитта, если представить гарантирование двухстадийным процессом: в *ординарных* условиях гарантом конституции выступает орган конституционной юстиции, а в *кризисной* ситуации защита конституции может (должна) осуществляться на «второй линии обороны», которую представляет глава государства. См.: *Краснов М. А.* Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : НИУ ВШЭ, 2020. С. 177.

[86] *Познер Р. А.* Рубежи теории права / пер. с англ. И. В. Кушнаревой; под ред. М. И. Одинцовой. М. : Изд. дом ВШЭ, 2017. С. 28.

[87] См.: *Нуссбергер А.* Европа, твои права человека // Международное правосудие. 2020. № 3 (35). С. 3–19, 6, 9.

Известны случаи, когда иллюзия собственной силы побуждает орган конституционной юстиции сыграть роль самостоятельного политического субъекта в условиях «критического конституционного состояния» (американские политологи Н. Браун и Дж. Уоллер называют этот период «разрывом конституционной преемственности», когда «основы конституционного порядка, в политическом, а иногда даже юридическом смысле сами по себе являются предметом разногласий и острой дискуссии»[88]). Но, во-первых, в этих ситуациях речь идёт не о защите конституционного строя, а скорее о попытке конституционного суда приподнять собственную значимость, и, во-вторых, следование такому соблазну единично и обычно имеет для суда (и как институции, и как коллегии судей) печальные последствия[89].

В 1924 году Симонс — председатель германского Имперского суда[90] — объявил его «защитником и хранителем» рейхсконституции[91], а в 1927 году сам Суд в одном из решений официально провозгласил себя «гарантом имперской конституции»[92]. В таком случае представим, что он в реальности попытался бы выступить гарантом Веймарской конституции и, в частности, признал бы не соответствующим ей инспирированный рейхсканцлером (Гитлером) декрет Президента от 4 февраля 1933 года «О защите немецкого народа», открывший путь к установлению однопартийной системы (позднее будут приняты акты, открыто вводившие такую систему и объединявшие Национал-социалистическую немецкую рабочую партию с государством). Вряд ли у кого-то могут быть сомнения в том, какая участь ждала бы судей.

Итак, орган конституционной юстиции — с правовой точки зрения, конечно же, наиболее квалифицированный институт. И он мог бы наилучшим образом защищать конституционные принципы и ценности, если бы только занимал *такое* место в системе публичной власти и имел *такую* институциональную силу, чтобы быть *способным* заставить другие институты власти следовать его решениям. Предотвратить крушение конституционного строя (содержательно это не всегда совпадает с крушением государственности) *способен только президент*.

Разумеется, не всякий глава государства обладает институциональной силой, достаточной для защиты конституционного ядра. Имеются в виду, прежде всего, президенты парламентских республик и конституционные монархи (хотя последние имеют больше возможностей смягчать конституционные кризисы благодаря своему сакральному авторитету). Т. Штейн дал обидную, но точную характеристику президентской должности в парламентской республике, сказав, что в ФРГ она «рассматривается некоторыми политическими партиями настолько слабо поддерживающей государство, что спокойно можно себе позволить баллотироваться не вполне серьёзно, “ради развлечения”, как сделал бывший комиссар из телевизионного детективного сериала, который недавними высказываниями впечатляюще продемонстрировал свою явную непригодность»[93].

Похожая ситуация и с президентами смешанных республик, где конституционный баланс полномочий смещён в пользу парламента (подобную модификацию В. Е. Чиркин

---

[88] *Браун Н. Дж.*, *Уоллер Дж. Дж.* Конституционные суды и политическая неопределённость: разрыв конституционной преемственности и «правление судей». Часть 1 // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4 (119). С. 30–46, 31.

[89] Об этих последствиях говорится в той же статье Брауна и Уоллера.

[90] Официальное название этого Суда по Веймарской Конституции 1919 года — Верховный государственный суд Германской империи (иногда его называли также Государственным судом).

[91] См.: *Шмитт К.* Гарант конституции. С. 32.

[92] См.: Там же.

[93] *Stein T.* Op. cit. P. 250.

называл «парламентарно-президентской» республикой в противоположность президентско-парламентарной[94]). Они также институционально не очень сильны и потому, если действия и решения такого президента «не понравятся» доминирующей политической группе, он будет бессилен что-либо предпринять. Яркий пример в этом смысле показала Болгария, где осенью 2020 года разразился политический скандал, вызванный противостоянием между Президентом и премьер-министром. Причём прокуратура встала на сторону последнего, а единственным оружием Президента оказались уличные выступления его сторонников.

Проблема, однако, состоит в том, что институционально сильный президент тоже не может быть гарантом конституции. Но уже не потому, что «не может», а потому, что «*не хочет*».

4. Ложная презумпция

Вопрос о том, какой из органов (конституционный суд или президент) обладает политической нейтральностью, был одной из главных тем спора К. Шмитта с Г. Кельзеном. И это вполне понятно, ибо составляет необходимое условие для гарантирования конституции, поскольку требуются «инстанции и процедуры, нейтральные по отношению к плюралистическим методам партийно-государственного волеобразования, то есть независимые от сил такого рода партийного государства»[95]. Правда, каждый из этих учёных скорее доказывал ошибочность мнения оппонента, нежели правильность своей позиции. Шмитт отказывал в нейтральности суду, говоря, в частности, что природа рассматриваемых им дел «чрезвычайно затрудняет соединение подлинной юстиции и подлинного конституционного спора»[96] и что его деятельность означает не юридизацию политики, а *политизацию юстиции*[97] (хотя я бы сказал, что опасна не политизация, а конъюнктурность). Кельзен, напротив, уверял в невозможности нейтральности главы государства, в том числе потому, что «проходящие под — неизбежно — высоким давлением партийно-политических действий выборы главы государства хотя и являются демократическим методом назначения, но никак особо не гарантируют его независимость»[98].

Если рассуждать отвлечённо, политически нейтральным является скорее орган конституционной юстиции. Но выше уже было отмечено, что фактор его нейтральности/независимости теряет смысл в кризисные моменты. Относительно нейтральны и институционально слабые президенты, но именно в силу своей слабости. Если обсуждать степень политической нейтральности, то в отношении президента, обладающего реальными рычагами контроля над исполнительной властью.

«Монархический генезис» президента обусловливает среди прочего его желание казаться «президентом всего народа». Оно характерно даже для глав президентских республик, которые позиционируют себя чуть ли не беспартийными[99], хотя являются

---

[94] См.: *Чиркин В. Е.* Указ. соч. С. 86–87.

[95] *Шмитт К.* Гарант конституции. С. 148.

[96] См.: Там же. С. 63–64.

[97] См.: Там же. С. 55.

[98] *Кельзен Г.* Кто должен быть гарантом конституции? С. 398.

[99] Например, в США такая традиция была заложена ещё Дж. Вашингтоном, и впоследствии многие президенты при инаугурации говорили о своей политической нейтральности. См., например: Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 гг.) с историческим комментарием / пер. с англ.; общ. ред. и комм. Э. А. Иваняна. М. : Изд. дом «Стратегия», 2001. С. 160; *Римини Р.* Краткая история США / пер. с англ. О. Алексаняна. М. : КоЛибри ; Азбука-Аттикус, 2018. С. 92; *Wilson W.* Constitutional Government in United States. New York : Columbia University Press, 1917. P. 69.

активными субъектами *politics*. Такое желание свойственно президентам в смешанной (полупрезидентской) модели, тем более что в ряде государств они и официально названы гарантами конституции. Однако такие президенты не только не обеспечивают сохранность основных конституционных ценностей, но и сами могут стать их главными могильщиками. И как раз *концепт «гарант конституции» является одним из факторов, облегчающих переход к персоналистскому режиму (режиму личной власти), который несовместим с конституционализмом*[100]. Почему?

Смешанная модель, в идеале рождённая для того, чтобы конституционный строй получил своего защитника (гаранта), на самом деле породила, как выразился один автор, президентскую двусмысленность[101]. С «лёгкой руки» генерала Шарля де Голля — основателя французской Пятой республики и её первого Президента (1958–1969) — утвердилась (стала распространённой) точка зрения, согласно которой Президент как бы *стоит над всеми ветвями власти*[102], поскольку является «арбитром», обязан предупреждать и устранять конфликты между разными государственными органами. В российской Конституции (часть 2 статьи 80 Конституции РФ в редакции 2020 года) это закреплено в виде президентской функции: «...обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти».

Однако тот же де Голль понимал «президентский арбитраж» весьма широко. «Конечно, — говорил он в 1964 году, — неприемлемо, чтобы на высшем уровне власти существовало двоевластие. И ничего подобного нет. Президент, по нашей Конституции, является главой нации, поставленным самой нацией, чтобы отвечать за ее судьбу. Президент, который избирает премьер-министра... и имеет возможность его заменить... Президент, который утверждает решения, принимаемые в советах палатах парламента... Президент, который в случае опасности должен принять на себя всю необходимую ответственность, является, очевидно, *единственным лицом, которому принадлежит государственная власть и кто может ее делегировать*...»[103] Нет нужды объяснять, что здесь не просто логическое противоречие, но обоснование абсурдного (для

---

[100] Б. Визер в начале своей статьи «Российский Президент как гарант Конституции», опубликованной в 2009 году, шутливо замечает, что её название может показаться читателю, хорошо знакомому с новейшей историей, «иронической отстранённостью» автора или, наоборот, породит подозрение, «не скрывается ли за (явно нерусским) именем автора западный апологет “путинизма” или, по меньшей мере, наивный сторонник молодого (в двойном смысле) Президента Медведева» (*Wieser B.* Der russische Staatspräsident als Garant der Verfassung // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. Vol. 69. 2009. No. 1. P. 195–215, 195).

[101] См.: *Руссо Д.* Президентская двусмысленность // Comitas Gentium. 2013. 6 апреля. URL: http://comitasgentium.com/ru/doctrina/publichnoe/mnenie/sfera_prezidentskih_polnomochiy/prezidentskaja-dvusmyslennost/ (дата обращения: 25.03.2021).

[102] В отечественной литературе такая позиция распространена. См., например: *Радченко В. И.* Президент Российской Федерации в системе разделения властей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995. С. 1; *Окуньков Л. А.* Указ. соч. С. 5; Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. В. Лазарева. М. : Спарк, 1997. С. 63 (см. также 4-е изд. этого комментария: М. : Юрайт, 2009. С. 117); *Ковалев А. М.* Институт президента в системе разделения властей: сравнительный опыт Франции и России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 10; *Старилов Ю. Н.* Административное право : в 2 ч. Ч. 2. Кн. 1: Субъекты. Органы управления. Государственная служба. Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 2001. С. 66; *Дёгтев Г. В.* Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы. М. : Юристъ, 2005. С. 67; *Шхагапсоев З. Л.* Президент России в системе разделения власти РФ: место и роль // Общество и право. 2007. № 2. С. 24–30, 25–27; *Гончаров В. В.*, *Поярков С. Ю.* Состояние и специфика институциональной организации политической системы в Российской Федерации // Studia politologiczne. Vol. 48. 2018. С. 109–132, 111, 113.

[103] Цит. по: *Платон Ф.* Исполнительная власть в Пятой Французской Республике // Президент — Правительство — исполнительная власть: российская модель / под ред. И. Шаблинского. М. : Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда, 1997. С. 57–68, 62.

конституционализма) положения, когда формальный «судья на поле» фактически является «игроком одной из команд».

Некоторые конституции, вдохновлённые идеей «политической надмирности» главы государства, как бы формализуют эту абсурдность, предоставляя президенту (как это сделала российская Конституция) полномочие *определять основные направления внутренней и внешней политики* (часть 3 статьи 80 Конституции РФ). Тем самым президентский курс становится политическим курсом государства в целом, что подтвердил и Конституционный Суд РФ, сначала (1998) указав, что Правительство РФ обязано следовать направлениям политики, определённым Президентом[104], а затем (2006) признав, что обязательность для всех органов публичной власти основных направлений внутренней и внешней политики государства вытекает из Конституции РФ. Хотя Суд прямо не апеллировал к положению о гарантирующей роли Президента, он явно имел её в виду, в частности указав на «необходимость взаимодействия и координации деятельности участников законодательного процесса», что является одной из конституционных функций Президента[105]. Таким образом, *статус гаранта конституции служит одним из оснований для возвышения главы государства над всеми иными; это, в свою очередь, «оправдывает» его лидерскую роль (роль определителя политики), а такое оправдание бумерангом уничтожает роль гаранта*. Конституция предписывает президенту стать лидером, «указующим перстом», открыто заявить о своей миссии. Понятно, что такой президент будет не «оберегать» правила игры и равенство её участников, а, наоборот, подстраивать правила под свои интересы для обеспечения своего курса. Как тут не вспомнить слова известного американского политолога Хуана Линца, точно описавшего ход мыслей такого президента: «...убежденность президента в том, что он обладает независимой властью и пользуется поддержкой народа, может создавать у него ощущение собственной силы и миссии, даже если количество проголосовавших за него в совокупности невелико. Проникнутый подобными представлениями о своем положении и своей роли, он начинает воспринимать неизбежную оппозицию своей политике как раздражающий и деморализующий фактор, в отличие от премьер-министра (в парламентской системе. — *М.К.*), который видит в себе всего лишь представителя временной правящей коалиции, а не выразителя интересов нации или народного трибуна»[106]. Стоит ли объяснять, что миссионерство, перерастающее у некоторых президентов в мессианство, просто несовместимо с идеей гаранта конституции — субъекта, обеспечивающего равные правила игры для всех и, прежде всего, равные условия для акторов политического рынка.

Итак, лукавство смешанной модели состоит в двойственности ролей президента: он *одновременно и «гарант», и «управленец»* (в разных конституционных моделях соотношение между ними различно, но существует везде, как существовала такая двойственность, вопреки мнению Шмитта, и в Веймарской Германии). Противоречие же между этими ролями порождает у президентов иерархию мотивов: *соблазн продлить как можно дольше роль ключевого политического актора (сохранять собственную*

---

[104] См.: Пункт 3 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 года № 28-П по делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации.

[105] См.: Пункт 2 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2006 года № 9-П по делу о проверке конституционности пункта 100 Регламента Правительства Российской Федерации // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5371.

[106] *Линц Х.* Опасности президентской формы правления // Теория и практика демократии: Избранные тексты / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М. : Ладомир, 2006. С. 216–222, 217.

власть) оказывается несравненно сильнее мотива защищать конституционализм.

Проблема президента, стоящего над всеми иными органами государства, приобретает ещё большую остроту в связи с вопросом *о пределах «гарантирующей деятельности».*

Когда-то понятие «*прерогатива*» означало, говоря словами Дж. Локка, «власть действовать *сообразно собственному разумению* ради общественного блага, *не опираясь на предписания закона, а иногда даже вопреки ему*»[107]. Такая прерогатива, писал Локк, вручается государю «по доверию» и является «*неограниченной* властью в отношении некоторых вещей», но исключительно «на благо, а не во вред народу»[108]. В частности, «федеративная власть» (деятельность в сфере международных отношений, войны и мира) «должна предоставляться *благоразумию и мудрости* тех, в чьих руках она находится, для того чтобы она была направлена на благо общества»[109].

Но можно ли доверять благоразумию и мудрости президента, имеющего принципиально иную природу, нежели монарх?

У президента (в системе президенциализма) всегда есть политические конкуренты, и он заинтересован в их ослаблении, а в пределе — в устранении. Понятно, что общественное благо он будет рассматривать под этим углом. Президент де Голль «на своей пресс-конференции от 28 октября 1966 г. утверждал, что победа левых сил повергла бы страну в состояние потрясения, и намекнул на возможность использования “конституционных полномочий главы государства”. Пресса быстро истолковала это как намек на возможное применение президентом ст. 16 Конституции (в этом смысле высказались в тот период и некоторые министры)»[110]. А Президент Франсуа Миттеран (1981–1995) постоянно расширял «список высших интересов нации», которые он должен гарантировать: «В нём фигурировали такие категории, как “национальное единство”, “социальная сплоченность”, “солидарность”, “социальные завоевания”. Введя нечто вроде “министерства слова”, он полагал, что должен высказывать собственное мнение всякий раз, когда возникает “опасность нарушения общественных интересов”»[111].

Возможно, понимая эту опасность, некоторые исследователи стоят на позиции, которая заключается в том, что президент в целях защиты конституции может использовать *только нормативно закреплённые полномочия*. Как выразился Б. Визер в своей статье о российском Президенте, «даже “высокие цели” или сложные задачи, присущие пункту 2 статьи 80 Конституции [Российской Федерации], не наделяют Президента дополнительными, непрописанными полномочиями...»[112] Однако такое узкое («нормативистское») понимание «гаранта» обессмысливает сам этот концепт. С одной стороны, разнообразие ситуаций, угрожающих конституционному строю, с другой — фундаментальность самого предмета гарантирования обусловливают *необходимость предоставления президенту широкой дискреции* в использовании всех своих ресурсов (и ресурсов государства) для ликвидации угрозы и восстановления ординарного конституционного порядка.

---

[107] *Локк Дж.* Два трактата о правлении // *Локк Дж.* Сочинения : в 3 т. Т. 3 / пер. с англ. и лат. Ю. М. Давидсона, Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова, Н. А. Федорова и др. М. : Мысль, 1988. С. 135–405, 357.

[108] Там же. С. 384.

[109] Там же. С. 348.

[110] *Крутоголов М. А.* Указ. соч. С. 77–78.

[111] *Матьё Б.* Указ. соч. С. 123.

[112] *Wieser B.* Op. cit. P. 214.

Де Голль сформулировал именно такое понимание гарантирования: «Президент отнюдь не должен, как прежде, ограничиваться чисто представительной ролью и ролью советчика; теперь Конституция возлагает на него огромную ответственность за судьбу Франции и судьбу Республики. В самом деле, по Конституции Президент является гарантом — вы понимаете, именно гарантом — независимости, целостности страны, а также договоров, которые налагают на нее обязательства. Короче говоря, он отвечает за Францию. С другой стороны, ему надлежит обеспечивать преемственность государства и нормальное функционирование властей. Короче говоря, *он отвечает за Республику*»[113]. Это — обоснование широчайшей дискреции президента в чрезвычайных условиях или в условиях, которые он сам сочтёт чрезвычайными. «По замыслу авторов Конституции [Франции] 1958 года, механизм статьи 16 Конституции[114] был создан именно для того, чтобы "на беззаконие можно было ответить не только одной лишь законностью", поэтому, как отмечал правительственный комиссар Р. Жакино, одной лишь юридической квалификации фактических обстоятельств недостаточно для принятия Президентом решения о наличии такой "кризисной ситуации"»[115].

Итак, вопрос о пределах гарантирующей деятельности президента не имеет решения: презюмируется, что президент будет действовать в интересах конституционного строя, но его статус, а точнее, сам смысл этого института толкает его к противоположному. Между тем такое противоречие многие исследователи предпочитают не замечать. Так, белорусская политолог С. Г. Паречина утверждает, что формула «гарант конституции, прав человека, стабильности и т. д.» «не знает *ни оговорок, ни ограничений*. Общество *вправе ожидать*, что в соответствии с порядком, установленным самой Конституцией, Президент предпринимает все меры для защиты как Конституции в целом, так и каждой конституционной статьи в отдельности»[116]. Затем в подтверждение она приводит слова другого исследователя, который пишет, что «Президент Беларуси *как гарант Конституции* несет ответственность за сохранение основ конституционного строя, в том числе и в экстремальных случаях (когда они находятся под угрозой). Президент обязан обеспечить соблюдение норм Конституции в деятельности всех органов государственной власти и военного руководства»[117]. В том же ключе рассуждает и М. В. Баглай: «Эта функция (гарантирования Конституции. — *М. К.*) предполагает широкое право Президента действовать по своему усмотрению, исходя не только из буквы, *но и духа* Конституции и законов, восполняя пробелы в правовой системе и реагируя на не предвиденные Конституцией жизненные ситуации. Дискреционная власть, неизбежная в любом государстве, не является сама по себе нарушением демократии и не чужда правовому государству...» Правда, он оговаривает такую возможность условием: «...если, конечно, действия главы государства не ведут к репрессиям и широким нарушениям прав человека, не взрывают механизм общественного согласия и не приводят к массовому неповиновению властям»[118]. Венецианская комиссия в 2016 году одно из

[113] Цит. по: *Крутоголов М. А.* Указ. соч. С. 50—51.

[114] Эта статья, напомню, предназначена для экстраординарных ситуаций. В ней, в частности, говорится: «Когда институты Республики, независимость нации, целостность её территории или исполнение её международных обязательств оказываются под серьёзной и непосредственной угрозой, а нормальное функционирование конституционных органов публичной власти прервано, Президент Республики принимает все меры, которые диктуются этими обстоятельствами...»

[115] *Сорокин М. Ю.* Чрезвычайное положение и парламентский контроль за его применением во Франции // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4 (119). С. 92—108, 93.

[116] *Паречина С. Г.* Указ. соч. С. 25.

[117] Там же.

[118] *Баглай М. В.* Указ. соч. С. 22—23.

заключений посвятила как раз рассмотрению проблемы пропорциональности чрезвычайных мер и соблюдения некоторых естественно-правовых принципов. Речь шла о действиях турецкого руководства после подавления неудачной попытки государственного переворота. Один из выводов Комиссии гласил: «С точки зрения допустимых ограничений базовых прав, свобода усмотрения правительства в обстоятельствах чрезвычайного положения расширяется, объём базовых прав сужается, однако они не исчезают полностью. Принцип пропорциональности продолжает действовать, хотя и с поправкой на сложные обстоятельства. Усмотрение правительства ограничено не только нормами о правах человека, но и принципами правового государства»[119]. Г. В. Диков — автор обзора этого Заключения — дал ему говорящее название: «Можно ли отступать от Конституции во имя её защиты?» Но это всего лишь абстрактное допущение. В реальности речь шла отнюдь не о защите турецкой Конституции в понимании защиты принципов конституционализма. Сама попытка переворота была во многом обусловлена как раз отступлением турецкого руководства от некоторых из этих принципов.

Повторю: многие конституционалисты не видят «амбивалентности» концепта «гарант конституции». В результате невольно оправдываются режимы и системы, далёкие от конституционализма. Например, не так давно польский исследователь Яцек Залесны на одной научной площадке говорил о белорусском Президенте: «Ролью президента *не является осуществление какой-либо определенной, той или иной политики*[120]. Его конституционная роль определена иным способом и служит достижению другой цели. Она заключается в действиях, направленных на достижение конкретной цели, а именно — защиты суверенности государства, его национальной безопасности и территориальной целостности, обеспечения политической и экономической стабильности, непрерывности работы органов государственной власти. ...Он не квалифицируется в рамках какой-либо из трех властей (законодательная, исполнительная, судебная), а — аналогично России и Казахстану — *размещается выше разделенной на три ветви власти*. Его задачи в государственном устройстве выходят за рамки функций, соотносимых с органами государственной власти. Они имеют принципиально другой характер в аспекте государственного устройства. Не заключаются в осуществлении текущей политики государства, текущем участии в создании его правовых рамок или оперативном принятии решений по административным вопросам. Президент стоит над этим. *Он находится выше всей суеты*, связанной с актуальными политическими спорами, существующими соревнованиями за доступ к ресурсам власти, возможности управлять и перераспределять их. В борьбе за политическую поддержку он не должен действовать в угоду крупным общественным группам и заботиться об осуществлении частных инте-

[119] Можно ли отступать от Конституции во имя её защиты?: Обзор заключения Венецианской комиссии о чрезвычайном положении в Турции (декабрь 2016 года) // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 2(117). С. 133–138, 137.

[120] Между тем в статье 79 Конституции Республики Беларусь сказано, что Президент *гарантирует реализацию* основных направлений внутренней и внешней политики, а в пункте 13 статьи 84 — что он «обращается с посланиями к народу Республики Беларусь о положении в государстве и об основных направлениях внутренней и внешней политики». Правда, согласно статье 107 Правительство «разрабатывает основные направления внутренней и внешней политики и принимает меры по их реализации», однако не нужно забывать, что этот орган полностью формируется и контролируется именно Президентом. А полномочие Палаты представителей принимать законы об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь (пункт 2 статьи 97), если рассматривать его в системе взаимоотношений органов власти, является совершенно номинальным.

ресов влиятельных лобби или олигархов»[121]. Злая усмешка истории: эти слова были произнесены на круглом столе, состоявшемся в Минске в конце марта 2020 года, то есть всего за четыре месяца до того, как А. Г. Лукашенко показал, *как* именно он понимает свою роль гаранта конституции.

Разумеется, сам концепт «гаранта» и даже неблагоприятные институциональные условия не означают фатальной неизбежности авторитаризма. Например, многие опасались «диктаторских устремлений» де Голля после принятия в 1958 году Конституции Пятой республики. М. А. Крутоголов в своей книге, посвящённой французскому Президенту, часто говорил о «персонализации власти» и даже о возможном переходе к диктатуре (в основном как раз в связи со статьёй 16)[122]. Тем не менее за шесть с лишним десятков лет Франция сохранила систему политической конкуренции. И во многом это произошло благодаря французской политической культуре, формировавшейся с конца XVIII века. Британский политолог американского происхождения Ларри Зидентоп отмечает, что, хотя «французская модель остается сугубо бюрократической», «французская политическая культура порождала группы, которые время от времени переходили к так называемым “прямым действиям”. Когда подобные группы приходят к выводу, что государственная машина не реагирует на их требования, они считают себя вправе нарушать закон, прибегать к угрозам и даже к насилию для достижения своих целей. В таких случаях французская полиция смотрит подчас сквозь пальцы на незаконные действия, так как *государство, по сути, ритуализирует эти периодические вспышки насилия*, считая их одним из условий своего выживания в столь централизованной форме»[123].

Но! Во-первых, французский пример не может успокоить общество тех стран, чья национальная история сформировала иную, персоналистскую политическую культуру. А во-вторых, всё в этом мире стремительно меняется, и никто не может исключить, что сложатся такие условия, которые и французов побудят погасить свою антибюрократическую и антиавторитарную активность. Так что общественное сознание и традиции — важный фактор, но в социальном конструировании недопустимо ориентироваться на благоприятные условия.

Выход видится в наполнении института президента другим смыслом. Каким? У меня есть предположение, но это уже другая тема.

Библиографическое описание:

Краснов М. Проблемы концепта «гарант конституции» // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 2 (141). С. ??–31.

Problems of the concept “guarantor of the constitution”

Mikhail Krasnov

Doctor of Sciences in Law, Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia (e-mail: mkrasnov@hse.ru).

---

[121] *Залесны Я.* Президент как гарант национальной и территориальной целостности Республики Беларусь // Актуальные направления развития демократии в Республике Беларусь на современном этапе : сб. материалов круглого стола, посвященного 26-летней годовщине принятия Конституции Республики Беларусь, Минск, 27 марта 2020 г. Минск : БГУ, 2020. С. 23–26, 24–25.

[122] Следует, правда, учитывать, что изданная в советское время его монография обязана была содержать идеологические уколы в адрес главы «капиталистического» государства.

[123] *Зидентоп Л.* Демократия в Европе / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2001. С. 137.

Abstract

The article critically analyses the concept of "guarantor of the constitution". Briefly describing the history of the emergence of the concept, the author argues that it was originally understood too narrowly — only as a function of ensuring the stable functioning of the state apparatus. This is also how it is understood today. Meanwhile, even if the state apparatus is formally operating legally, this does not always mean that its operation is consistent with constitutional principles and values. The constitution is not simply an act of supreme legal force. It is imbued with constitutionalism, which boils down to the idea and practice of limiting power for the sake of the value of human dignity. In its turn, constitutionalism is secured by a number of principles and values, including pluralism. However, constitutionalism can also suffer from pluralism. The article speaks of two threats on this side: first, large-scale inter-party conflicts (both direct and "disguised" as conflicts between state bodies) and, second, the possibility of a political force aligned against constitutionalism gaining state power. Consequently, guaranteeing the constitution consists not only of ensuring the normal functioning of the institutions of public power, but also of protecting and defending the constitutional principles and values, which together represent constitutionalism. However, practice shows that presidents either neglect this "second part" or use the appeal to constitutional values to strengthen their own power. In the author's view, this is due to the fallacy of the very model of a mixed (semi-presidential) republic, within which the concept of "guarantor of the constitution" emerged. The institution of the president in this model is positioned by doctrine as politically neutral and therefore above all branches of power. However, the neutrality of the president of a mixed republic is illusory, for he is a more or less active political actor and therefore incapable of fulfilling the role of guarantor of the constitution. The false presumption of presidential neutrality not only makes the institution of the guarantor ineffective, but also contributes to the authoritarian trend of the president.

Keywords

constitution; guaranteeing the constitution; guarantor of the constitution; president of a mixed republic; constitutional principles and values; Hans Kelsen; Carl Schmitt.

Citation

Krasnov M. (2021) Problemy kontsepta "garant konstitutsii" [Problems of the concept "guarantor of the constitution"]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 30, no. 2, pp. ??–31. (In Russian).

References

(1988) *Chistoe uchenie o prave Gansa Kel'zena: sbornik perevodov. Tom 2* [Hans Kelsen's pure theory of law: a collection of articles. Vol. 2], S. V. Lyozov (transl.), Moscow: INION AN SSSR. (In Russian).

(2017) Mozhno li otstupat' ot Konstitutsii vo imya eyo zashchity?: Obzor zaklyucheniya Venetsianskoy komissii o chrezvychaynom polozhenii v Turtsii (dekabr' 2016 goda) [Is it possible to depart from the Constitution in the name of its protection?: Review of the Venice Commission opinion on the state of emergency in Turkey (December 2016)]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 26, no. 2, pp. 133–138. (In Russian).

Abaeva E. A. (2018) K voprosu o statuse Prezidenta kak garanta Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [On the status of the President as a guarantor of the Constitution of the Russian Federation]. In: Kabyshev V. T. (ed.) *Konstitutsionnoe razvitie Rossii: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey* [Constitutional development of Russia: interuniversity collection of articles], vol. 18, Saratov: Izdatel'stvo "Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya", pp. 25–34. (In Russian).

Akhutin A. V., Filippov A. F. (2013) Perepiska o Shmitte i politicheskom [Correspondence about Schmitt and the political]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 34–47. (In Russian).

Baev V. G. (2010) *Germanskiy konstitutsionalizm (konets XVIII — pervaya tret' XX vv.). Istoriko-pravovoe issledovanie: monografiya* [German constitutionalism (late XVIII — first third of XX century). Historical and legal research: a monograph], 2nd ed., Moscow: Yurlitinform. (In Russian).

Baglay M. V. (2012) *Prezidenty Rossiyskoy Federatsii i Soedinennykh Shtatov Ameriki. Rol', poryadok vyborov, polnomochiya: monografiya* [The Presidents of the Russian Federation and the United States of America. Role, election procedure, powers: a monograph], 2nd ed., Moscow: Norma: INFRA-M. (In Russian).

Brown N. J., Waller J. G. (2017) Konstitutsionnye sudy i politicheskaya neopredelyonnost': razryv konstitutsionnoy preemstvennosti i "pravlenie sudey". Chast' 1 [Constitutional courts and political uncertainty: Constitutional ruptures and the rule of judges. Part 1]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 26, no. 4, pp. 30–46. (In Russian).

Burns W. J. (2020) Virus polyarizatsii. Kak SShA preodolet' partiynyy raskol vo vneshney politike [Polirized politics has infected American diplomacy]. *Moskovskiy tsentr Karnegi*, 27 July. Available at: https://carnegie.ru/commentary/82319 (accessed: 25.03.2021). (In Russian).

Chicherin B. N. (2016) *O narodnom predstavitel'stve* [On people's representation], Saint-Petersburg: Nauka. (In Russian).

Chirkin V. E. (2010) *Glava gosudarstva: Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The head of state: Comparative legal research], Moscow: Norma: INFRA-M. (In Russian).

Constant B. (2000) Printsipy politiki, prigodnye dlya vsyakogo pravleniya [Principles of politics applicable to all governments]. In: *Klassicheckiy frantsuzskiy liberalism: sbornik* [Classical French liberalism: a collection of essays], M. M. Fedorova (transl.), Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, pp. 23–259. (In Russian).

Dyogtev G. V. (2005) *Stanovlenie i razvitie instituta prezidentstva v Rossii: teoretiko-pravovye i konstitutsionnye osnovy* [Formation and development of the institute of the presidency in Russia: theoretical, legal and constitutional foundations], Moscow: Yurist. (In Russian).

Fermery S.-L. (2012) *La Constitution commentée article par article*, 15-ème éd., Paris: Hachette.

Goncharov V. V., Poyarkov S. Yu. (2018) Sostoyanie i spetsifika institutsional'noy organizatsii politicheskoy sistemy v Rossiyskoy Federatsii [The state and specifics of the institutional organization of the political system in the Russian Federation]. *Studia politologiczne*, vol. 48, pp. 109–132. (In Russian).

Ivanyan E. A. (ed.) (2001) *Inauguratsionnye rechi prezidentov SShA ot Dzhordzha Vashingtona do Dzhordzha Busha (1789–2001 gg.) s istoricheskim kommentariem* [Inaugural speeches of US presidents from George Washington to George Bush (1789–2001) with historical commentary], Moscow: Izdatel'skiy dom "Strategiya". (In Russian).

Jellinek G. (1908) *Pravo sovremennogo gosudarstva. Tom 1: Obshchee uchenie o gosudarstve* [The law of the modern state. Vol. 1. The general doctrine of the state.], 2nd ed., Saint-Petersburg: Izdanie Yuridicheskogo knizhnogo magazina N. K. Martynova. (In Russian).

Karpovich V. D. (ed.) (2002) *Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to the Constitution of the Russian Federation], 2nd ed., Moscow: Yurayt-M; Novaya pravovaya kul'tura. (In Russian).

Kelzen H. (2006) Sudebnaya garantiya konstitutsii (konstitutsionnaya yustitsiya). Chast' 1 [Judicial guarantee of the constitution (constitutional justice). Part 1]. *Pravo i politika*, no. 8, pp. 5–14. (In Russian).

Kelzen H. (2013) Kto dolzhen byt' garantom konstitutsii? [Who should be the guarantor of the constitution?]. In: Schmitt C. *Gosudarstvo: Pravo i politika* [The State: law and politics], O. V. Kil'dyushov (transl.), Moscow: Izdatel'skiy dom "Territoriya budushchego", pp. 359–410. (In Russian).

Kokoshkin F. F. (2010) Lektsii po obshchemu gosudarstvennomu pravu [Lectures on general state law]. In : Kokoshkin F. F. *Izbrannoe* [Selected writings], Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, pp. 59–334. (In Russian).

Kovalev A. M. (1998) *Institut prezidenta v sisteme razdeleniya vlastey: sravnitel'nyy opyt Frantsii i Rossii*: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The institution of the president in the system of separation of powers: comparative experience of France and Russia: Abstract of a dissertation ... candidate of legal science], Moscow. (In Russian).

Krasnov M. A. (2016) Sozdanie Konstitutsii Rossii kak osobyy sluchay effekta "path dependence" [Creation of the Constitution of Russia as a special case of the "path dependence" effect]. In: *Trudy*

po rossievedeniyu: sbornik nauchnykh trudov [Works on Russian studies: a collection of articles], vol. 6, Moscow: INION RAN, pp. 85–128. (In Russian).

Krasnov M. A. (2020) *Vvedenie v konstitutsionnoe pravo s raz'yasneniem slozhnykh voprosov: uchebnoe posobie* [Introduction to constitutional law with an explanation of complex issues: a study guide], 2nd ed., Moscow: Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet "Vysshaya shkola ekonomiki". (In Russian).

Krutogolov M. A. (1980) *Prezident Frantsuzskoy Respubliki: Pravovoe polozhenie* [President of the French Republic: Legal status], Moscow: Nauka. (In Russian).

Kutafin O. E. (2012) *Glava gosudarstva* [Head of state], Moscow: Prospekt. (In Russian).

Lassalle F. (1905) Sila i pravo (Otkrytoe pis'mo redaktoru "Reformy") [Power and law (Open letter to the editor of "Reforma")]. In: *Sochineniya Ferdinanda Lassalya. Tom 2* [Works of Ferdinand Lassalle. Vol. 2], in 2 vols., 2nd ed., Saint-Petersburg: Izdanie N. Glagoleva, pp. 52–56. (In Russian).

Lazarev V. V. (ed.) (2009) *Nauchno-prakticheskiy Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii* [Scientific and practical Commentary to the Constitution of the Russian Federation], 4th ed., Moscow: Yurayt. (In Russian).

Locke J. (1998) Dva traktata o pravlenii [Two treatises of government]. In: Locke J. *Sochineniya. Tom 3* [Essays. Vol. 3], in 3 vols., Moscow: Mysl'. (In Russian).

Mat'yo B. (2014) Mesto Prezidenta Respubliki vo frantsuzskoy institutsionnoy sisteme: ot teksta k praktike [The place of the President of the Republic in the French institutional system: From text to practice]. In: Efremenko D. V., Lapina N. Yu. (eds.) *Politicheskie instituty Rossii i Frantsii: Traditsii i sovremennost': sbornik nauchnykh trudov* [Political institutions of Russia and France: Traditions and modernity: a collection of articles], Moscow: INION RAN, pp. 113–127. (In Russian).

Nazmutdinov B. V. (2016) Ot "Normy" k "Poryadku": Evolyutsiya pravoponimaniya Karla Shmitta [From "Norm" to "Order": The evolution of Carl Schmitt's legal understanding]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, no. 1, pp. 150–165. (In Russian).

Nussberger A. (2020) Evropa, tvoi prava cheloveka [Europe, your human rights]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 10, no. 3, p. 3–19. (In Russian).

Okun'kov (ed.) (1994) *Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to the Constitution of the Russian Federation], Moscow: BEK. (In Russian).

Okun'kov L. A. (1996) *Prezident Rossiyskoy Federatsii. Konstitutsiya i politicheskaya praktika* [President of the Russian Federation. Constitution and political practice], Moscow: INFRA-M: Norma. (In Russian).

Parechina S. G. (2003) *Institut prezidentstva: istoriya i sovremennost'* [Institute of presidency: history and modernity], Minsk: Institut sotsial'no-politicheskikh issledovaniy. (In Russian).

Platon F. (1997) Ispolnitel'naya vlast' v Pyatoy Frantsuzskoy Respublike [Executive power in the French Fifth Republic]. In: Shablinskiy I. (ed.) *Prezident — Pravitel'stvo — ispolnitel'naya vlast': rossiyskaya model'* [President — Government — executive power: Russian model], Moscow: Tsentr konstitutsionnykh issledovaniy Moskovskogo obshhestvennogo nauchnogo fonda, pp. 57–68. (In Russian).

Pozner R. A. (2017) *Rubezhi teorii prava* [Frontiers of legal theory], I. V. Kushnareva (transl.), Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russian).

Radchenko V. I. (1995) *Prezident Rossiyskoy Federatsii v sisteme razdeleniya vlastey*: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The President of the Russian Federation in the system of separation of powers: Abstract of a dissertation... candidate of legal science], Saratov. (In Russian).

Rayzberg B. A., Lozovskiy L. Sh., Starodubtseva E. B. (2011) *Sovremennyy ekonomicheskiy slovar'* [Modern economic dictionary], 6th ed., Moscow: INFRA-M. (In Russian).

Remini R. (2018) *Kratkaya istoriya SShA* [Short history of the United States], O. Aleksanyan (transl.), Moscow: KoLibri; Azbuka-Attikus. (In Russian).

Rumyantsev O. G. (2013) *Konstitutsiya Devyanosto tret'ego. Istoriya yavleniya (Dokumental'naya poema v semi chastyakh ot Otvetstvennogo sekretarya Konstitutsionnoy komissii 1990–1993 godov)* [The Constitution of 1993. The history of the phenomenon (A documentary poem in seven

parts from the Executive Secretary of the Constitutional Commission of 1990–1993)], Moscow: ZAO "Bibliotechka RG". (In Russian).

Russo D. (2013) Prezidentskaya dvusmyslennost' [Presidential ambiguity]. *Comitas Gentium*, 6 April. Available at: http://comitasgentium.com/ru/doctrina/publichnoe/mnenie/sfera_prezidentskih_polnomochiy/prezidentskaja-dvusmyslennost/ (accessed: 25.03.2021). (In Russian).

Sadovnikova G. D. (2012) *Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii (postateynyy)* [Commentary to the Constitution of the Russian Federation (article-by-article)], 7th ed., Moscow: Yurayt. (In Russian).

Sayó A., Uitz R. (2021) *Konstitutsiya svobody: vvedenie v yuridicheskiy konstitutsionalism* [The constitution of freedom: an introduction to legal constitutionalism], D. V. Sichinava, E. A. Zakharova (transl.), Moscow: Institut prava i publichnoy politiki. (In Russian).

Schmitt C. (2000) Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]. In: *Politologiya: khrestomatiya* [Political science: an anthology], Moscow: Gardariki, pp. 23–42. (In Russian).

Schmitt C. (2013) Garant konstitutsii [Guarantor of the constitution]. In : Schmitt C. *Gosudarstvo: pravo i politika* [The state: Law and politics], O. V. Kil'dyushov (transl.), Moscow: Izdatel'skiy dom "Territoriya budushchego", pp. 27–220. (In Russian).

Shkhagapsoev Z. L. (2007) Prezident Rossii v sisteme razdeleniya vlasti RF: mesto i rol' [The President of Russia in the system of division of power of the Russian Federation: place and role]. *Obshchestvo i pravo*, no. 2, pp. 24–30. (In Russian).

Shlezinger A. M., Jr. (1992) *Tsikly amerikanskoy istorii* [Cycles of American history], V. I. Terekhova (transl.), Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress"; "Progress-Akademiya". (In Russian).

Siedentop L. (2001) *Demokratiya v Evrope* [Democracy in Europe], V. L. Inozemtsev (transl.), Moscow: Logos. (In Russian).

Sorokin M. (2017) Chrezvychaynoe polozhenie i parlamentskiy kontrol' za ego primeneniem vo Frantsii [Parliamentary control over emergency powers in France]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 26, no. 4, pp. 92–108. (In Russian).

Starilov Yu. N. (2001) *Administrativnoe pravo. Chast' 2. Kniga pervaya: Sub'ekty. Organy upravleniya. Gosudarstvennaya sluzhba* [Administrative law. Vol. 2. Book one: Subjects. Governing bodies. Public service], in 2 vols., Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian).

Stein T. (2009) Der Bundespräsident als "*pouvoir neutre*"? *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, vol. 69, no. 2, pp. 249–256.

Urnov M. Yu. (2021) *Krizis sovremennoy tsivilizatsii: osnovnye cherty* [The crisis of modern civilization: The main features], Moscow: Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet "Vysshaya shkola ekonomiki". (In Russian).

Volkov L. B. (2009) Vsplesk russkogo konstitutsionalizma. 1990–1993 gody (Vstupitel'naya stat'ya) [The surge of Russian constitutionalism. 1990–1993 (Introductory article)]. In: Rumyanstev O. G. (ed.) *Iz istorii sozdaniya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. Konstitutsionnaya komissiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993 gg.). Tom 5* [From the history of the Constitution of the Russian Federation. The Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993). Vol. 5], in 6 vols., Moscow: Fond konstitutsionnykh reform, pp. 25–72. (In Russian).

Wieser B. (2009) Der russische Staatspräsident als Garant der Verfassung. *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, vol. 69, no. 1, pp. 195–215.

Wieser B. (ed.) (2018) *Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. Tom 2* [Commentary to the Constitution of the Russian Federation. Vol. 2], in 2 vols., Moscow: Infotropik Media. (In Russian).

Wilson W. (1917) *Constitutional Government in United States*, New York: Columbia University Press.

Zalesny Ya. (2020) Prezident kak garant natsional'noy i territorial'noy tselostnosti Respubliki Belarus' [The President as a guarantor of the national and territorial integrity of the Republic of Belarus]. In: *Aktual'nye napravleniya razvitiya demokratii v Respublike Belarus' na sovremennom etape: sbornik materialov kruglogo stola, posvyashchennogo 26-letney godovshchine prinyatiya*

Konstitutsii Respubliki Belarus', Minsk, 27 marta 2020 g. [Actual directions of the development of democracy in the Republic of Belarus at the present stage: a collection of materials of the round table dedicated to the 26th anniversary of the adoption of the Constitution of the Republic of Belarus, Minsk, March 27, 2020], Minsk: Belorusskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 23–26. (In Russian).

Zor'kin V. D., Lazarev L. V. (eds.) (2009) *Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to the Constitution of the Russian Federation], Moscow: EKSMO. (In Russian).